

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ. ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье сопоставляются основные универсальные компоненты человеческого бытия: культура и история. Культура рассматривается как явление, сохраняющее и транслирующее исторический процесс, как особого рода целостная и развивающаяся система

Вторая половина XX в. в сфере философских наук вызвала новый всплеск интереса к проблеме человека. Этот интерес оказался особенно острым на фоне развития НТР. Человечество стремительно расширяло свое проникновение в мировое пространство, одновременно с этим истощая земные недра и жизненно необходимые блага, увеличивая арсенал средств для самоуничтожения. Процессы, происходящие в обществе, стали объектом пристального внимания ученых разных научных специализаций и направлений. Они неминуемо приводили к углубленному анализу человеческой деятельности – источнику и причине как достижений, так и стоящих на другом полюсе опасностей. В докладах Римскому клубу по поводу глобальных проблем современности постепенно от вопросов, связанных с ресурсами планеты, их использованием («Пределы роста» Медоуза, «Мировая динамика» Форрестера и др.), ученые обратились к проблемам личности (Ромэн и Лоубл, А. Печчеи). В докладах этого рода речь в основном шла о весьма абстрактных перспективах замены при помощи воспитания разрушительных качеств человека такими, которые должны были бы обеспечить сохранность планеты для жизни следующих поколений.

Антропологическая направленность гуманитарных наук советского периода вызвала к жизни труды, базирующиеся на провозглашенной правительством программе формирования всесторонне развитого человека. Нам представляется, что эта программа, какой бы одиозной она не выглядела, тоже была продуктом даже если и не сознательных, то вполне оправданных опасений, связанных с тем, что лавиноподобное развитие техники действительно могло представлять (и представляло!) угрозу судьбам человека и человечества.

Новый виток исследований феномена человека и его деятельности породил большое количество научных работ, анализирующих проблемы сознания, особенности и способности человека, в частности способность к творческой и изобретательской деятельности, вопросы человеческого общежития и т.д. Значительное место заняли в этом потоке научные труды, связанные с эстетическими проблемами: разработкой и систематизацией категориального аппарата, анализом сущности эстетического, выяснением места и роли искусства в системе общественного сознания и др.

Одновременно с этим особую актуальность приобретают проблемы целостности и свободы человека, остро отражающие реакцию на растущее отчуждение, на превращение человека в «массового» человека (Хосе Ортега-и-Гассет). Все больше интерес исследователей привлекают психологические аспекты человеческой деятельности (Э. Фромм, Д. Узнадзе и др.). Постепенно пафос этих и других исследований подобного рода переместился в сферу изучения феномена культуры. Именно культура – ее место и роль в развитии общества и личности – в качестве интегрирующего начала чело-

веческой жизни стала центральным объектом гуманитарной науки. Все чаще звучала фраза, приписываемая разным авторам, в том числе и А. Швейцеру: «XXI век будет веком культуры или его не будет вовсе».

Этот поворот научного интереса вполне логичен. С одной стороны, в результате длительного и особенно бурного в последнем столетии развития техники человечество не обрело желанного счастья, но зато получило некоторое количество глобальных проблем, прямо поставивших в зависимость от их решения свою выживаемость. С другой стороны, решение этих проблем обнаружило, что центральной фигурой при их решении может быть только само человечество как некая совокупная целостность. К сожалению, теоретические построения постоянно отстают от развития техники, роста отчуждения и пр., словом, от того, что предлагает миру бесконечно движущаяся практика.

Сам же феномен культуры представляет собой сложное, многоаспектное явление, также находящееся в постоянном движении. И несмотря на появление большого количества теоретических исследований по проблемам культуры, до сих пор нет понимания ее как целостного явления. Основные успехи сделала культурологическая наука при разработке проблем истории культуры, поскольку в этой сфере богатый материал предоставлен работами полевых этнографов, археологическими находками, возможностями дешифровки различных исторических документов, успехами космических исследований. В частности, сравнительно недавно были обнаружены новые данные относительно сроков возникновения и характера культурных явлений, находящихся на территории современного Египта, что стало возможным благодаря съемкам из космоса, позволившим видеть следы высохших водоемов на территории пустыни, а также и некоторых стоянок человека. Это открытие позволило отодвинуть временные границы возникновения человеческой культуры.

Однако разнообразные исследования культуры как локально-исторического явления не предполагают систематизации культуры, взгляда на нее как на целостное явление, позволяющего найти некий системообразующий фактор, увидеть культуру не только в качестве единично-неповторимого или даже особенного явления, но и – главное – как явления, имеющего всеобщий характер. Исследование такого рода феномена предполагает выработку вполне определенного метода, дающего возможность сочетать аналитический и синтезирующий подходы.

В современной культурологии мы имеем дело с особым рода парадоксом. С одной стороны, количество опубликованных работ огромно и с каждым годом возрастает, с другой – едва ли у ученых возникает чувство удовлетворенности уровнем разработанности хотя бы основных проблем, не говоря уже о создании

сколько-нибудь полной концепции. Мозаика взглядов, воззрений, позиций, теорий может быть понята исходя из нескольких обстоятельств.

Прежде всего, из особенностей исследуемого явления. Культура представляет собой многообразное и всепроникающее явление, без этого феномена невозможно существование общества как человеческого. Практически любое проявление человеческого начала можно рассматривать как культурное, а пестрота фактического слоя порождает такую же пестроту изучения предмета. Вряд ли здесь возможно пойти привычным путем отыскания какого-либо одного принципа, который бы позволил сохранить целостность самого явления.

При анализе культуры одни исследователи останавливаются на том, что принято именовать «второй природой», другие выделяют деятельностьную сторону, процесс создания этой «второй природы», третьи акцентируют при анализе культуры её знаково-информационную природу. При этом каждый из исследователей обладает определенной правотой, поскольку и эти явления, будучи изученными, позволяют, а иногда и прямо требуют вернуться к целому. Современное состояние культурологии таково, что при пристальном изучении части (частей) целое теряется, размыкаясь в деталях, и наоборот – попытки целостного анализа в той или иной мере требуют обращения к деталям, без которых данное целое может потерять свой смысл.

Другой причиной наличия такой пестроты теоретических построений является определенного рода приверженность к смешению принципов и стилей, соединению несоединимого как одной из особенностей постмодернистского подхода. С нашей точки зрения, методология постмодернизма не позволяет рассмотреть культуру как системную целостность. На наш взгляд, только диалектический метод дает возможность соединить противоположности, найти системообразующее начало, которое могло бы объединить и связать все элементы единого целого. (Заметим, что именно такого рода метод позволил создать самые всеобъемлющие и выдающиеся философские системы прошлого.)

Следует также учитывать и определенную культурологическую традицию, восходящую еще к изысканиям Гердера, изучать мозаику народных культур, фиксируя внимание в большей степени на их различиях, реже – сходствах. Это еще более усиливает впечатление калейдоскопа разных культур и, хотя и представляет собой ценность, вне которой изучение культуры становится мало возможным (если возможным вообще), не позволяет качественно осмыслить самоё культуру как особый феномен бытия человечества.

Кроме того, культура выступает не менее чем в двух ипостасях: как некий особый мир, противопоставленный природе, однако существующий в реальности вне и независимо от желания и воли людей. С другой стороны, культура бытийствует именно в качестве такой реальности, которая невозможна без сознательной деятельности людей. Эта двойственность культуры реализуется также и в том, что, как и любые результаты деятельности, культура обладает и длительностью, и протяженностью, «присутствует» и в динамике, и в статике, и во времени, и в пространстве. В этом своем качестве культура равнозначна бытию человеческого

общества и человека, она в значительной мере есть способ бытия. М. Мамардашвили, говоря об особенностях философствования, заметил: «Философия имеет особое отношение к способу возникновения и существования человеческого феномена, поскольку он зависит от самосозидания. А история – это зафиксированные лишь события актов самосозидания некоего существа, которое природой не рождается и не существует независимо от работы самосозидания. (Природой рождается некий биологический материал возможных человеческих событий и состояний. Но это только биологический материал)» [1. С. 7–8]. Это соображение можно в полной мере отнести и к культуре, вне которой человек – только биологический материал. В человеческом же качестве он осуществляется только в процессе самосозидания, которое в значительной, если не в полной, мере выступает и как созидание культуры.

Современные исследования вплотную подошли к поиску метода, который бы позволил охватить культуру как целостное, синкретическое явление, как систему, в которой все его элементы не только взаимосвязаны и взаимообусловлены, но наличие каждого из них предполагает наличие всех прочих, и наоборот. Истоки такого рода теоретического построения были заложены трудами М.М. Бахтина, А.Ф. Loseva, М.К. Мамардашвили и др. В этом смысле весьма показательным является и то, что философское познание одной из самых универсальных сторон человеческого отношения к действительности – эстетической – ныне переосмысливается как культурологическое (М.С. Каган, В.М. Видгоф и др.). Совершенно очевидно, что эстетический тип отношений человека с миром является универсальным, «участвует и с необходимостью осуществляется для сохранения единства (курсив мой. – А.Б.) в системе субъектно-объектно-субъектных связей. Он сориентирован на разрешение противоречий между всеми типами отношений в структуре общей целостности С–О–С отношений. Такое разрешение противоречий предполагает при сохранении различий в отношениях между субъектом и объектом выход на сознательную организацию их гармонического единства и соответствия» [2. С. 20]. Практически то же самое с некоторыми уточнениями можно сказать и о культуре, представляющей такую сферу разного рода отношений (между миром и человеком, между людьми во времени и пространстве), которая выступает как сознательная организация, обладающая постоянным стремлением к гармонии. Другой стороной вопроса является выяснение того, всегда ли культурная деятельность, в отличие от эстетической, с необходимостью приводит к искомой гармонии.

Этот далеко не полный перечень различного рода аспектов, демонстрирующих сложность культуры как предмета философского исследования, позволяет увидеть, что никакое изучение отдельных феноменов этого по своей сути целостного явления не может дать полной картины, привести к постижению его сущности.

Нам представляется, что относительно полное рассмотрение культуры возможно только с помощью общепhilosophического подхода, «который не рвется к узким схемам гносеологического или экзистенциального подходов, но, выступая их системно-синтезирующим

выражением, отображает целостность и полноту мировоззренческого методологического знания, задающего смысл человеческого бытия» [3. С. 6].

Общефилософский подход предполагает, что культура будет рассмотрена как некая данность, существующая в единстве объективного и субъективного, в своей статике и динамике, в единстве составляющих её противоположностей.

Одним из главных аспектов рассмотрения культуры неминуемо станет тот факт, что наличие культуры совпадает с историей человеческого общества. Однако это совпадение не является абсолютным. При анализе мы можем и должны отличать одну сторону проблемы от другой, выявить их относительную самостоятельность, обнаружить те моменты, которые несут в себе существенное различие, и ту связь, без которой вообще невозможно бытие человечества. Совершенно точным и необходимым для наших дальнейших рассуждений представляется соображение, высказанное М. Мамардашвили и А. Пятигорским: «... мы нигде не застаем человека вне состояния культуры... В принципе мы не можем взойти вверх назад по потоку времени и найти человека вне этого феномена, вне состояния культуры. Проблема истока нереальна методологически, а не метафизически» [4. С. 186]. Они назвали соотношение истории и культуры «активной прогрессирующей несовместимостью» [4. С. 187].

Культуру невозможно наблюдать как таковую. Она обнаруживает себя лишь в своих конкретных проявлениях. Э. Фромм, рассуждая о природе человека, отмечает: «Человеческую природу нельзя назвать неизменной, и культура не является результатом неизменных человеческих инстинктов, и естественно, она не является постоянным явлением» [5. С. 37]. И в этой своей сложности культура как процесс, предполагающий внутреннюю сложность, вариативность, выступает в виде истории. В этом своем качестве культура – явление, существующее во времени. С другой стороны, культура сохраняется в неких законченных состояниях, и эта сторона культуры реализуется в пространстве.

Гуманитарному знанию, очевидно, недостаточно традиционного рассмотрения отдельно культуры, человека, социума, природы и пр. Такого рода взгляд механически расчленяет мир, несмотря на звучащие при этом декларации системности и целостности. Действительное системное изучение множества элементов каждого явления (культуры, человека, социума, природы) связано с выяснением сфер и точек их пересечений, особенностей взаимодействия, места и роли каждого элемента системы. Взгляд на любой объект гуманитарного исследования с необходимостью выявляет наличие в нем названных нами выше двух обязательных характеристик:

а) временной, определяющейся сменяемостью одних явлений другими, одних этапов, периодов и т.п. другими, процессом их взаимоперехода, предшествованием или следованием одних явлений за другими;

б) пространственной, предполагающей существование элементов системы одного рядом с другим, параллельность не только материальных объектов, но и идей, знаний, отношений, произведений искусства, научных теорий и т.д., распространение духовных процессов в определенной пространственной протяженности, развертывание их вширь, соединение с другими, взаимопрони-

кновения и взаимопроникновения. К примеру, Кант пользовался понятием «горизонт знаний», следовательно, вопрос о пространственном существовании явлений духовного порядка не представляет собой чего-либо мистического или экзотического.

Открытие единства пространства-времени в теории относительности наложило свой отпечаток на мировосприятие даже тех людей, которые в своих исследованиях не связаны с физикой или любым иным естественно-научным знанием. Таково понятие «хронотопа», воспринятое М.М. Бахтиным для рассмотрения структурных особенностей литературного произведения. Философское знание тем более не может игнорировать такого рода идею, поскольку она, как и всякое мировоззренческое построение, не ограничена одной лишь сугубо природной сферой. Пространственно-временные процессы протекают и в обществе. Следовательно, они не являются надуманными и для культурного процесса, несущего в себе такую качественную характеристику, которая отличает социум от природы. Относительно временных характеристик культурного процесса практически нет никаких сомнений, он многократно изучался, описывался, его процесс и результаты в основном бесспорны. Оспоренными являются, пожалуй, лишь периодизация этого процесса и поиск его закономерностей.

Процесс развития культуры во времени запечатлен в процессе действий людей, имеющих своей целью преобразование действительности. Эти преобразования касаются одновременно и в равной мере и культуры общества, и его истории. Исторический, временной взгляд на развитие культуры в конечном счете связан со сравнением исторического и культурологического взглядов на человеческое бытие, его традиции и инновации, его динамику и статику. Каждое явление в мире человеческой деятельности имеет начальный этап, развитие, достигающее кульминации в определенный период, а затем регресс и завершение. Весь цикл может включать в себя различные взаимодействия с другими процессами, и это позволяет искать и обнаруживать события, явления и циклы, протекающие не только один после другого, но и те, которые разворачиваются одновременно, параллельно, находясь рядом, около и т.д. относительно друг друга. Следовательно, эти процессы разворачиваются как во времени, так и в пространстве.

Прошлое человечества продолжает присутствовать в мире в двух существующих неразделимо ипостасях: в истории человечества и его культуре. История общества начинается вместе с возникновением культуры, включаясь многообразными способами и формами в противоречивый процесс развития человечества. Культурные феномены становятся вехами истории еще до возникновения письменности, фиксирующей события жизни человечества, конкретно-исторических эпох и государств. Они выражают субъективно-личностную сторону деятельности общественного человека, способы и нормы социальной организации и регулирования процессов жизнедеятельности, выполняют важную социальную функцию трансляции опыта, знаний, опредмеченных в результатах человеческой деятельности. С другой стороны, художественное, научное, техническое, социальное творчество в той мере, в какой оно предстает как изобретение, открытие, создание нового, уникаль-

ного, дает результаты, которые включаются затем в исторический процесс, вносят в него новые элементы, превращаются в фактор исторического развития.

Общими сторонами и культуры, и истории общества является то, что оба феномена выступают либо в конкретных проявлениях и результатах человеческой деятельности, либо – в противном случае – как текущие и преходящие состояния духовной и материальной сферы общества.

Однако как история, так и культура обладают не только общими связями, в которых переплетаются результаты действий этносов, масс, государств и отдельных индивидов, но и свою специфику. История складывается из действий и противодействий множества людей, в которых в более наглядной форме выступает, скорее всего, случайность, закономерность же обнаруживает себя лишь в конечном счете. Огромную роль играют в этом процессе объективные условия, связанные с особенностями природы или действиями иных факторов, вплоть до тех, которые Л.Н. Гумилев называл пассионарностью.

Взгляд историка практически всегда обращен в прошлое. Ю.М. Лотман, касаясь особенностей прочтения смысловой стороны художественного произведения, замечает, что «... взгляд в прошлое... сходится как конус, упирающийся вершиной в настоящее» [6. С. 22]. Будущее же предстает как «пучок возможностей, еще не совершивших своего потенциального выбора» (Там же). При этом стремящаяся к научной прогностике синергетика черпает свои основные выводы из свершившегося прошлого. Это свершившееся прошлое сохраняет свои следы лишь в памяти поколений, в период писаной истории, зафиксированной в различных документах и отразившейся в научной и художественной рефлексии над ними, в результатах деятельности людей.

Сам исторический процесс во всех своих подробностях и проявлениях минул и вместе со временем стал необратимым. Но вся неоднозначность этого явления заключается в том, что любая деятельность людей оказывается не только исторической, но и культурной. При этом нам представляется, что традиционный материализм не слишком отдалялся от реальности, принимая во внимание материальную деятельность людей в качестве определяющего фактора в системе отражения мира. Материальная деятельность людей, совершаясь в повседневности, как бы «фиксирует» в своих результатах образ времени, стиль и дух эпохи, становится одновременно и толчком, причиной, и почвой, условием возникновения различных форм ментальности от обыденного сознания до научной рефлексии. Бытие истории оказывается сиюминутным, временным, преходящим, наиболее остро проявляющим свою специфику лишь в периоды экстремальных, радикальных событий мира. Связь прошлого с настоящим и будущим осуществляется преимущественно через культуру и ее основные феномены, поскольку культура есть также история человечества, а история осуществляет себя в культуре.

В реальной жизни людей пересекаются все элементы множества, составляющего социум. Одни из них закономерны, другие – случайны; одни обладают большей значимостью, другие – меньшей; одни находятся в самом начале своего развития, другие – в состоянии

расцвета, третьи – в стадии увядания. Сочетание этих элементов может выглядеть эклектичным, лишенным какой-либо упорядоченности. Для настоящего времени, для живущего поколения взаимодействие всех элементов действительности, представляющих собой то, что мы имеем реальностью, выглядит неким «броуновским движением». Возникающие и исчезающие обстоятельства, отношения, оценки, события и пр. перетекают из одного дня в другой, вызывая представление о том, что жизнь – только «миг между прошлым и будущим».

Однако этот «миг» запечатлевается в различного рода культурных феноменах, находя некий «отсвет» в самых, казалось бы, неожиданных сферах. Так, интересна параллель между цеховой организацией ремесленного производства в эпоху Средневековья и схоластикой как особой формой духовной культуры этого времени: «Определяющей чертой ремесел являлась стабильность техники. Вне зависимости от специализации ремесленная деятельность предполагала подчинение совокупности приемов, жестко кодифицированных сводом корпоративных (писанных и неписанных) правил. Виртуозность, обучение которой длилось многие годы, – лучшее тому свидетельство. Истинное мастерство обреталось лишь в ходе и по мере совершенствования собственных мышц и чувств, в основе которых лежало подражание более старым образцам» [7. Р. 208]. На базе этого соображения Я.А. Ляткер делает вывод, что и логический строй мышления предполагал такие качества, как: «а) рецептурность; б) ритуальность (знание в форме секрета); в) авторитарность; ... г) мнемонический характер; ... д) внутренняя связь с искусством; ... е) устремленность на автоматизм...» [8. С. 31].

Это соображение, на наш взгляд, не лишено оснований, тем более что аналогичные параллели можно обнаружить и в других периодах истории. Действительно, то, что оказывается главным в текущем временном процессе, так или иначе сопрягаясь с различными иными элементами социума, прямо или опосредованно оказывает на них воздействие. Результат этого воздействия может быть непредсказуем, но он никогда не минует сугубо культурной сферы. Рассказ Рея Бредбери «Сафари» очень точно фиксирует такого рода закономерность: случайное бессмысленное действие – бабочка, раздавленная неосторожным охотником во время путешествия в прошлое, – оказывается в неотвратимой цепи событий, приведших к необратимым последствиям вплоть до изменения правописания.

Блестящими образами взаимодействия культуры и истории, «запечатления» истории в культуре становятся гениальные литературные произведения, поскольку, на наш взгляд, именно литература как вид искусства практически не имеет границ в воспроизведении и изображении действительности. После известных статей В.Г. Белинского о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» стало общим местом высказывание о том, что роман явился «энциклопедией русской жизни». Это несомненно, однако взглядом еще раз на роман в свете затронутой проблемы.

Еще раз обратим внимание на то, какие именно стороны российской действительности оказались в поле зрения романа. Во-первых, следует отметить, что практически каждому социальному слою, а также различным по образу жизни их представителям в романе от-

водится определенное место. Мы встречаем петербургских помещиков, живущих «долгами», как отец Онегина. И при этом мы успеваем, опираясь на краткие и предельно точные характеристики автора, увидеть все, что составляло калейдоскоп исторической реальности: форму отъезда у начальства («служив отлично-благородно...»); стереотип домашнего образования («Сперва *Madame* за ним ходила./ Потом *Monsieur* ее сменил») и, как результат, уровень образованности («Мы все учились понемногу...»); развлечения (рестораны, балы, рауты, театр, «красотки молодые»). Мир романа густо населен персонажами, каждый из которых, по выражению Белинского, «представляет собой тип, и каждый тип есть «знакомый незнакомец»:

.. супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой

(Гл. I. XII)

Или:

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы,
Тут были дамы пожилые
В чепцах и розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц,
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

Тут был на эпитафии падкий.
На все сердитый господин
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену

.....
.....

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притуливший,
St -Priest, твои карандаши,
В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,
Румян, как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим,
И путешественник залетный,
Перекрахмаленный нахал,
В гостях улыбку вызывал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор

(Гл. VIII. XXIV, XXV, XXVI)

С той же полнотой и всеохватностью, хотя и очень сжато, кратко и точно мы встречаемся с московским дворянством в VII главе, с домашним укладом, с публичной жизнью, наполненными множеством деталей, неотъемлемых от реального повседневного быта:

Но в них не видно перемены,
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николаевны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж

(Гл. VII. XLV)

Под статью старшему поколению и «младые грации Москвы», чьи «невинные беседы» текут «с прикрасой легкой клеветы», и «архивны юноши», которые

На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.

(Гл. VII. XLIX)

Строфою раньше от лица героини московскому бонмоду выносится убийственный приговор:

.. Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный пошлый вздор,
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум,
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

(Гл. VII. XLVIII)

Так же убийственны характеристики сельских помещиков и буквально всех постоянно мелькающих на страницах романа персонажей. В этом сравнительно маленьком по объему произведении, кроме главных персонажей, перед читателем проходит более сотни разных лиц, охарактеризованных иногда одним словом, но сколь точно это слово! Например, в одной из известнейших строф, знакомой практически каждому школьнику, встречаются сразу четыре человека, связанных мыслью гения:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь,
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь...

А рядом с этим неспешным движением неспешного крестьянина – стремительно мчащаяся тройка и, одновременно, другой персонаж:

Бразды пушистые вздымая,
Летит кибитка удалая,
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

И тут же еще одна «утряжка» с персонажем, как бы объединяющим и крестьянина, и заезжего ямщика своей принадлежностью и к деревне (он местный житель, и «мать грозит ему в окно»), и к лихой пролетающей жизни:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив

Эти, иногда безымянные персонажи, иногда носители конкретных имен от некоего «москвита Финмуша» до прохожего по имени Агафон – плод

Ума холодных наблюдений

И сердца горестных замет

Но значительное место в романе занимают и реальные исторические персонажи: Дельвиг и Языков, Вяземский и Чаадаев, авторы известных художественных произведений, их персонажи – все, что было сущностью времени. Роман буквально наполнен литературными дискуссиями, в нем в явном или неявном виде обнаруживают себя все те явления, которыми были заинтересованы обе столицы и провинция (да и сам автор) в период от 1819 по 1825 г. Это становится не просто картиной реальности, это – сама история, запечатленная во всей своей полноте. Поток исторических событий, все это эклектическое переплетение случайностей минуло и сменялось иным потоком, наполненным иными реалиями и персонажами, но в культурных феноменах он запечатлен в своем натуральном состоянии, хотя и специально организованном гением художника.

Это только один, хотя и гениальный образец «остановленного мгновения» (или восстановленного во всей его полноте). Таково же значение и других, как гениальных, так и весьма средних по своим художественным данным произведений искусства, постоянно воссоздающих ушедшее навсегда историческое начало.

Иная роль и судьба научных и философских явлений, но и в них запечатлелось все то же, несмотря на то, что история здесь предстает в виде мыслей и открытий, прозрений и заблуждений, в виде дискуссий и прочего.

Равным образом возникают и исчезают разного рода обычаи, традиции, суеверия и предрассудки. Не вникая в подробности, поскольку они являются предметом специальных исследований, заметим, что язык как носитель основной части знаковой системы человечества тем более сохраняет в себе в своей особой форме исторические особенности каждой эпохи.

Таким образом, именно культура в достаточно устойчивой форме фиксирует многие исторические явления, ценности, нормы, традиции, обычаи, идеалы и прочее. Искусство запечатлевает события, отношения людей, их цели, стремления, иллюзии, заблуждения – все, что останется грядущим поколениям. Культурные феномены обладают особой формой преемственности: они продолжают жить в последующих эпохах, неся в себе свою знаковую и смысловую природу, степень и мера их освоения живущими поколениями определяет творческий потенциал общества, тенденции будущей истории. Поэтому именно культура является носителем традиций, именно в ней вызревают ростки новаций, связанных с любой сферой «будущей истории». Если события истории, завершившись во времени, оказываются практически законченными, то культурные феномены никогда вполне не завершены: ни одна идея, ни одно явление не прекращаются, но переходят в иные культурные феномены, идущие вслед за историей или иногда опережающие ее. Таким образом, творчество культуры не совпадает с творчеством истории.

Перед историей постоянно возникает проблема соотношения воплощаемого в культуре творческого начала, ставящего перед обществом новые проблемы, с объективными условиями и закономерностями общественного развития. Культура, в свою очередь, постоянно вбирает в себя выработанные в ходе истории формы деятельности, мышления, видения мира, составляющие особенности бытия той или иной социальной или этнической общности, в единстве их природной и социальной среды. Сложившись, культура каждой общности сама становится активно действующей исторической силой. Поэтому особенности культуры сказываются на конкретной истории народа.

История в своих самых общих чертах повторяема (например, основные этапы существования общества в целом), но ее специфика приобретает черты культуры. И если история – это событийный ряд существования человечества, то культура – смысловая сторона этого существования. В истории действуют конкретные люди, сталкиваются их воли, интересы, стремления, эмоции и аффекты, причем идеалы и традиции, ценности и нормы оказываются скрытыми от непосредственной рефлексии. История почти всегда персонифицирована и связана с конкретными интересами ее участников. Существование культуры часто обособлено от своих создателей, личность творца во многих артефактах оказывается размытой, а иногда не читается совсем. А.П. Чехов в рассказе «Пассажир 1-го класса» повествует об одном выдающемся инженере, строителе мостов, который сердит на то, что его имя, имя выдающегося человека, никому не известно, хотя и сам он не знаком с именем своего собеседника, тоже недожженного ума ученого.

Особенно эта обособленность, относительная самостоятельность культурного феномена от своего автора характерна для народной культуры, в которой мы имеем дело со сложнейшим конгломератом явлений самого различного плана. Это и способы практической деятельности этноса, и складывающиеся на этой основе формы отношений с природой, умения, навыки, привычки и взгляды. Это самые различные верования, начиная от магических, мифологических и кончая вполне сформированными религиозными воззрениями (в пестром их контексте мы найдем и суеверия, и поверья, приметы и пр.). Это сложная художественная система, в которой присутствуют устоявшиеся образы, орнаменты, элементы музыкальных тем, ритмических и тональных ходов и т.д. Здесь присутствуют и нормы языка, его лексика, грамматика, образные выражения, поговорки и пословицы, в которых заключен клад народной мудрости. Все это богатство не имеет авторства. Но кроме того, народная культура является на каждом историческом отрезке завершенным, сформированным и устоявшимся пластом социума, оказывающим влияние «категорического императива» на своих интерпретаторов, а также на все другие уровни, формы и виды культуры данного общества.

Инновационная сторона истории может осуществляться лишь в конечном счете, прорываясь через толщу случайностей, традиционных действий масс и личностей, сквозь рутину устойчивого, постоянно воспроизводимого образа жизни и уклада общества. Культура в этом смысле, обладая фиксированными признаками, многообразна и имеет двойственную тенденцию: и к сохранению прошлого, и к созиданию нового.

Человек – существо, безусловно, конкретно-историческое – всегда создавал для себя картину универсума: сначала в виде мифов, позже в представлениях о божественных деяниях, движущих судьбами мира, затем в попытках научного понимания истории. Как только историческое сознание получило возможность опираться на эмпирические данные, познание обществом собственного бытия становится более определенным, кроме того, оно связывает рассмотрение истории с одновременным рассмотрением культуры.

Современность раздвинула горизонты истории. Человечество оказалось между двумя пропастями – прошлого и будущего. Оно осознало, что будущее – конгломерат прошлого и настоящего. Все более уверенно научная мысль современности осознает, что историческое будущее возможно лишь в том случае, когда оно не отвергает своей культуры, а усиливает и осваивает ее, стремится к тому, чтобы культура не выродилась в цивилизацию. Еще Х. Ортега-и-Гассет в 1933 г. писал: «...прошлое по своей природе *revenant*. Как ни гони его, оно вернется и неминуемо возникнет. Поэтому единственный способ избавиться от него – это не гнать. Прислушиваться к нему...». И далее: «У прошлого своя правда. Если с ней не считаться, оно вернется отстаивать её и заодно утвердит свою неправду» [9. С. 90]. Хотя это сказано относительно социально-психологических процессов начала XX в., все сказанное вполне можно отнести и к исторической изменчивости культуры. Проблема преемственности связана именно с тем, как, в какой полноте живущее поколение в состоянии освоить тот пласт культуры, который запечатлел в себе прошлое. Именно с этим обстоятельством связано и то, перейдет ли культура будущего на более высокую ступень развития, останется на прежней или приведет к разрушению как культуры, так и общества, поскольку общество без культуры не может существовать в качестве человеческого.

Исторический взгляд на общество и на его культуру преимущественно обращен к рассмотрению своего предмета во времени. Однако и общество, и его культура разворачиваются не только во времени, но и в пространстве. Заметим, что взгляд на культуру, при котором в центре рассмотрения оказывается та или иная локализация культуры, является вполне традиционным. Начиная с идей Гердера о национальной самобытности культур, Винкельмана об особенностях античного искусства, Данилевского о типологии культуры, мы в основном имеем дело с пространственным пониманием феномена культуры. Все более поздние теории примыкали к тому или иному принципу анализа, рассматривая либо исторически сменяющиеся друг друга периоды, либо локальные культурные образования, либо локально-исторические типы культуры. Но по большей части все-таки преобладало хронологическое отношение к культуре.

Представляется, что феномен культуры в его действии, в его наиболее полном выражении более продуктивно рассматривать именно таким образом, чтобы охватить пространственное взаимодействие различных систем, их отношения друг с другом, их взаимовлияние. Именно в этом случае можно охватить и осмыслить все богатство культурных феноменов как элементов системы.

Бесспорным выглядит положение о том, что национальные культуры одного региона, даже при наличии

государственных границ, сходны, близки по многим своим проявлениям, оказывают друг на друга значительное воздействие. С увеличением расстояния различия начинают становиться более заметными, а сходства отмечаются лишь в общем виде. В работах полых этнографов (Э.Б. Тайлор, К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль и др.) в различной форме, часто в противоречащих друг другу взглядах все же при рассмотрении культур различных племен и народов присутствует четкая система локальных признаков. При этом XX в. после работ Гумилева напрямую может связывать культурные факты с особенностями ландшафта, что тоже, как мы выясним далее, не лишено оснований.

Поэтому постановка и рассмотрение проблемы культурного пространства дает возможность выделить и специфику различных культурных процессов, в этом пространстве осуществляемых. Так, традиция изучения культуры Востока и Запада всегда предполагает их корреляцию с территориальными факторами, с тем ареалом, в котором каждая конкретная культура осуществлялась и продолжает существовать. Изменяясь во времени, тот или иной артефакт может оказаться на другой территории, как, например, это происходит с музейными экспонатами, но тем не менее она всегда классифицируется по локальным признакам материнской культуры, остается явлением культуры именно этого пространства.

В этой связи понятны споры о сущности русской культуры, расположившейся между Востоком и Западом и несущей специфику как той, так и другой культурной традиции. Элементы того и другого, соединившись, представили перед миром в новом качестве, тем более неповторимом, чем более явственным становится территориальное единство России, определенность ее пространства. Поскольку, по представлению Данилевского, русская культура, являясь самой молодой в кругу иных культур, имеет большой потенциал для собственного становления, постольку представляется интересным соединить рассмотрение культурного пространства с конкретной культурой, еще не исчерпавшей своих возможностей.

История, разворачиваясь в конкретном времени и конкретном пространстве, предстает перед мышлением исследователя как Хронос, непрерывно возникающий и исчезающий. Культура же сохраняет свои пространственно-временные характеристики от прошлых и до следующих поколений, поскольку она приходит из прошлого в относительной неизменности и представляет собой некую «стартовую площадку» для будущего. В настоящем же культура окружает нас как пространственная форма. Даже постоянно происходящие в ней изменения совершаются в том пространстве, в котором продолжает свое существование культура.

Этими соображениями обусловлена постановка проблемы именно в таком ракурсе, как и структура работы, предполагающей взгляд как на общекультурные феномены, так и на конкретные проявления общих закономерностей.

Однако прежде чем приступить к изучению столь сложной структуры, какой предстает перед научной рефлексией проблема культурного пространства, нужно «вписать» в него главный системообразующий элемент и фактор как культуры, так и истории – человека.

1. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. М.: АГРАФ, 2002.
2. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельностный подход (опыт философского анализа). Томск, 1992.
3. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания как предмет философского исследования: Научный доклад на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 1993.
4. Пятигорский А., Мамардашвили М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Харвест, 2003.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
7. Mandrou R. Introduction a la France moderne... 1500-1640. Paris, 1960.
8. Лямбер Я.А. Декарт. М.: Мысль, 1973.
9. Ортега-и Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Статья представлена кафедрой этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 9 марта 2004 г.

УДК 008.001.14

Н.А. Веорова

КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВА XX ВЕКА

В статье рассматривается кризис рациональных оснований культуры, возникший в результате того, что рациональные ценности долгое время являлись доминирующими по отношению к проявлениям жизненной стихии человеческого существования. Кризис классического рационализма нашел отражение прежде всего в философии и искусстве XX в.

В конце XX в. все больше исследователей стали говорить о кризисе западного типа рациональности. Согласно принципу центрации (Ж. Деррида) или легитимации (Ж.-Ф. Лиотар), одна из сторон текста, отношения или культуры в целом занимает доминирующее положение, носит предписывающий характер, в то время как другая сторона – маргинальная, тающая, невосребованные смыслы, связанная с иным способом отношений с миром, нежели легитимированная, подавляется, носит противонаправленный центру характер. Главную причину кризиса видят в том, что в европейской культуре рациональные ценности долгое время были центрированы, а все, что связано с интуицией, чувственностью, находилось на периферии культурного развития. Рано или поздно подобный перекося должен был дать знать о себе, что и проявилось в кризисе классического типа рациональности. Осознание этого приводит к тому, что в настоящее время предлагаются различные способы разрушения легитимации западного типа ментальности. Так или иначе, ставится вопрос о поиске новых рациональных оснований культуры.

Однако все развитие культуры XX в. демонстрирует, с одной стороны, кризис рационализма, который выражается, прежде всего, в отрицании разумно устроенного мира, а с другой – поиски новых форм рационального через включение маргинального иррационального в орбиту культуры, что порождает новые культурные смыслы.

На протяжении всего XX в. в развитии мировой культуры прослеживается сосуществование противоречивых тенденций. Они выражаются в таких процессах и явлениях, как локализация национальных культур и стремление к глобализации мировой культуры, в существовании двух культурных парадигм, в рамках которых развиваются философия, искусство и наука XX в., а также в таких противоречивых явлениях, как массовость и элитарность, демократия и тоталитаризм, традиционность и революционный бунт. Многочисленные противоречия XX в. можно свести к борьбе рационального и иррационального в культуре.

Социокультурная ситуация наиболее ярко демонстрирует это столкновение. «Духовное состояние общест-

ва можно было бы уподобить маятнику, раскачивающемуся между абсолютной верой в силу разума и предпочтением интуитивного метода познания мира. Обычно маятник находится где-то посередине. Но замечено, что в период стабильного развития доверие к человеческому разуму возрастает» [8. С. 33]. Очевидно, что развитие культуры XX в. нельзя назвать стабильным.

Мировая напряженность, усугубленная отставанием геополитических интересов, впервые достигла такого накала, что нашла выход в Первой мировой войне, когда реальной стала угроза уничтожения человечества оружием, им же созданным. Человеческое творение оборачивалось против него самого, и разум переставал контролировать действительность, его место заняли непредсказуемость и стихийность иррационального.

В 30-е гг. один за другим устанавливаются режимы диктатуры в Германии, Италии, Испании, Португалии, странах Латинской Америки. Языческие черты народного сознания взяли верх над разумом и цивилизацией. «Культура Запада провалилась в древнюю историю, где меряют достоинство человека чистотой крови... где жгут ведьм и еретиков» [4. С. 116]. Эти языческие черты, помноженные на грандиозные амбиции (уже не только европейских стран), были в основе Второй мировой войны. Лишь столкнувшись с опасностью возможной победы тоталитарного режима в лице гитлеровской Германии и воинственной Японии со всеми вытекающими последствиями, многие государства приходили к пониманию необходимости мирного решения своих проблем, основанного на законах разума. Однако снятие напряженности и стремление находить разумный выход в любой ситуации вскоре сменились новой напряженностью и усилением противоречий.

После Второй мировой войны в мире сложилась полярная система. К одному лагерю, или полюсу, относились капиталистические страны Западной Европы под эгидой США, к другому – социалистические страны Восточной Европы, находившиеся под влиянием СССР. Холодная война и гонка вооружений заставили все мировое сообщество балансировать на грани между миром и третьей мировой войной. Фактически за конфронтацией